

Книга Иоила и Лаодикийская церковь адвентистов седьмого дня - Номер семнадцать

Jeff Pippenger
2025-12-23

Номер семнадцать

Мы закончили предыдущую статью незавершённым рассмотрением пророчеств Авраама и Павла, которые, строка за строкой, дают период в 430 лет, состоящий из 30 лет, за которыми следуют 400 лет. Полагаю, что где-то в мире богословия найдутся те, кто видит эти 30 лет как период, следующий за 400 годами, но в общем случае тридцать лет относят к началу периода. Сначала 400, затем 30, или 30, затем 400? Это тридцать лет, за которыми следуют четыреста лет, ибо есть много свидетельств, подтверждающих тридцатилетний период, связанный со вторым пророческим периодом, который следует за ним.

Иосифу было тридцать лет, когда он начал служить фараону (Бытие 41:46). Затем начались семь лет изобилия, за которыми последовали семь лет голода. Иосиф, как прообраз Христа: после его тридцатилетия последовали два периода по 2520 дней. Когда Христу было тридцать, за этим последовали два периода по 1260, которые вместе составляют 2520; что, в свою очередь, связывается с семью временами в отношении двух царств.

Давиду было тридцать лет, когда он стал царём, и он царствовал сорок лет, как отмечено во 2 Царств 5:4. Давид является прообразом Христа, и когда Христу было тридцать лет, Он был крещён, а затем был поведён в пустыню на сорок дней, и затем, после Своего воскресения, прообразом которого было Его крещение, Он пребывал и лично учил учеников сорок дней. Со времени креста разрушение Иерусалима по милости было отложено на сорок лет, что параллельно сорока годам умирания в пустыне в начале их заветной истории.

Иезекиилю было тридцать лет, когда он был призван стать пророком (Иезекииль 1:1). Сейчас я не буду останавливаться на периоде после тридцатого года Иезекииля, но приведу краткое резюме ИИ об установленных фактах относительно продолжительности его служения. «Пророчества Иезекииля — одни из наиболее точно датированных в Ветхом Завете: в книге приведены 13 конкретных дат. Все они отсчитываются от года пленения Иехонии (597 г. до н. э. — как первый год), что даёт ясную хронологическую рамку протяжённостью около 22 лет».

Иисусу было тридцать лет, когда Он был крещён, и затем Он утвердил завет со многими на одну неделю.

Антихрист, в пророческом смысле, следует образцу Христа, и так же, как Христос тридцать лет готовился, чтобы приступить к Своему служению Небесного Первосвященника, пророческий период тридцати лет приготовления, определённый для антихриста,

простирался от удаления «ежедневного» в 508 году до 538 года. Когда папство было наделено властью в качестве лжепервосвященника, подобно тому, как Христос был помазан силой при Своём крещении, то 1260 лет папской тьмы соответствовали бы 1260 дням чистого света Христа от Его крещения до креста, что соотносится со смертельной раной папства в 1798 году.

Ни один из этих ранее упомянутых двухэтапных периодов, которые начинаются тридцатилетним сроком, не предшествует первому шагу Аврама в его трехступенчатом процессе заключения завета. Следовательно, у Аврама этот период упоминается первым, хотя так могло быть лишь после того, как это было подтверждено вторым свидетельством Павла. Когда Павел написал это, пророчество о 400 годах стало пророчеством о 430 годах, в котором первые 30 лет отделены от последующего отрезка времени.

Я утверждаю, исходя из характера Христа, представленного как Альфа и Омега, что в процессе завета относительно ста сорока четырёх тысяч, которые являются «омега» по отношению к двусоставному пророчеству Аврама и Павла о тридцати годах, за которыми следуют четыреста лет, всё это должно найти своё соответствие в «омега» истории завета, то есть в истории запечатления ста сорока четырёх тысяч. Период в тридцать лет, за которым следует другой, отдельный период, должен исполниться таким образом, чтобы не прибегать к исчислению времени, но при этом исполнить основополагающее 430-летнее пророчество Аврама. Было бы неплохо, если бы вы ещё раз прочитали предыдущее утверждение, а затем вернулись к этому месту и продолжили.

Иисус, Иосиф, Давид и Иезекииль — все они тридцать лет готовились к служению, которое должно было служить прообразом народа Божьего в последние дни. Иезекииль — пророк; Иосиф — прообраз Христа-священника; Давид — царь. Четыре символа, но один из символов, представляющий Небесного Первосвященника, имеет человеческого и Божественного представителя. Эти четыре свидетеля согласуются с тридцатью годами Аврама, за которыми следует пророческий период.

Антихрист готовился тридцать лет, затем был наделён властью на 1260 лет, пока в 1798 году не пережил свою первую смерть. Он является символом второй смерти, ибо умрёт снова, когда закроется время испытания. Вторая смерть — это вечная смерть. Мы служим воскресшему Спасителю, ведь Христос не умер навеки; Он не подвергся второй смерти. Когда смертельная рана папства исцелится, тринадцатая глава Откровения указывает, что оно будет царствовать снова 42 месяца, что представляет собой пророческий период без временного элемента.

Когда она воскреснет при воскресном законе, армия, противостоящая её делу, — это те, кто воскресли в конце трёх с половиной дней одиннадцатой главы Откровения. Две воскресшие силы, обе являющиеся знамёнами, одно — субботы седьмого дня, другое — солнца, — становятся ориентиром для всего мира, когда человечество делает свой окончательный выбор — жизнь или смерть.

При воскресном законе антихрист, который также есть зверь, будет представлять тройственный союз дракона, самого себя (зверя) и лжепророка. Эти три силы объединятся против Божьей церкви, которой предстоит быть вознесённой над всеми горами.

Торжествующая Божья церковь готовится тридцать лет — не тридцать буквальных лет, а установленный пророческий период, с которым связано число тридцать и который остаётся в силе как пророчество и после повеления 1844 года, в котором было указано, что применение пророческого времени более недействительно. Нетрудно увидеть, что тридцать лет представляет период приготовления для пророка, священника и царя, которые, как торжествующая церковь, будут представлять царство славы. Четыре свидетеля — Иезекииль, Христос, Иосиф и Давид — представляют власть Божьего царства в тот же период времени, когда папство и тройственный союз ведут мир к Армагеддону.

Торжествующая церковь возвышается при введении воскресного закона в Соединённых Штатах, и, согласно свидетельству Ветхого и Нового Завета, народ завета, составляющий сто сорок четыре тысячи, должен стать царством священников.

И вы также, как живые камни, созидайтесь в дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. 1 Петра 2:5.

Священники приступали к служению в храме, достигнув тридцатилетнего возраста, поэтому до воскресного закона существует период времени, в течение которого священство подготавливается, чтобы служить как возношение снопа первых плодов. Священники, то есть сто сорок четыре тысячи, представлены как левиты в процессе очищения, совершаемом Вестником Завета. Существует пророческий период, ведущий к воскресному закону, в течение которого процесс очищения готовит освящённое служение для времени позднего дождя. Подготовка заканчивается на воскресном законе, поэтому период в тридцать лет представляет подготовку священников, тем самым соответствуя требуемому возрасту священника. Христос как Первосвященник начал своё служение в тридцать лет, и, поскольку Иосиф является прообразом Христа, он также начал своё служение в тридцать. Ложный Христос готовился тридцать лет, так что у нас есть три свидетеля того, что тридцатилетний период представляет подготовку священства.

«Стоящий на пороге великий вопрос отсеет тех, кого Бог не поставил, и у Него будет чистое, истинное, освящённое служение, приготовленное к позднему дождю».

Избранные вести, книга 3, 385.

Сестра Уайт прямо учит, что всякий раз, когда церковь чиста, действует Дух пророчества. Когда великое испытание отсеет плевелы, у вас будет освященное служение, состоящее из Иисуса и Иосифа-священника, который сочетает Божественность и человечность, Иисуса и Иезекииля-пророка, Иисуса и Давида-царя. Те, кто подготовлен в течение периода, символизируемого тридцатью годами, окажутся среди ста сорока четырех тысяч и представлены как пророки, священники и цари. Все три человека являются библейскими символами служения Христа как пророка, священника и царя, поэтому число тридцать позволяет заключить, что каждая из этих трех категорий, представленных библейскими

символами людей, готовившихся тридцать лет, будучи соединена со Христом, представляет сочетание Божественности с человечностью. Таким образом, те священники, которые подготовлены в течение символического тридцатилетнего периода, представлены как знамя соединения Божественности и человечности.

Период в сорок два месяца последней папской кровавой бани проходит, пока Христос сорок два месяца ходит среди людей в лице Своих учеников. Сорок два месяца рабства и угнетения заканчиваются избавлением, как это представлено в 430 годах двойного пророчества Аврама. Четыреста лет Аврама заканчиваются избавлением у Красного моря, что является классической библейской иллюстрацией закрытия испытательного времени, в конце папских символических сорока двух месяцев.

Сорок два месяца символизируют время испытания, начиная с воскресного закона в Соединённых Штатах до закрытия испытательного срока для человечества. Однако в течение этих 42 месяцев, после тридцатилетнего периода подготовки, Христос утверждает завет в лице остатка. Антихристовский лжесвященник приходит к своему окончательному концу именно там, где Христос умер на своей линии, как раз там, где фараон, царь Египта, умер на своей линии. На горе Кармил пророки Ваала были умерщвлены, тем самым указывая на смерть ложного пророка при воскресном законе. При воскресном законе имеются: ложный пророк, который затем будет убит; дракон, представленный фараоном; и зверь, представленный папством. Все они представлены при воскресном законе в конфликте с Божьими священниками, царями и пророками. Церковь очищается незадолго до воскресного закона, и дар пророчества восстанавливается — как раз там, где умирает ложный пророк. С этого момента борьба идет вокруг истинной или ложной пророческой вести.

Символический тридцатилетний период представляет период, предшествующий воскресному закону. Этот период — время подготовки для священников, ибо Христос — их пример во всем, ибо это те, кто следует за Агнцем. В первые 30 лет пророчества Аврама завет был установлен, тем самым указывая, что что бы ни означал период подготовки для священников, это период, когда Господь обновляет Свой завет со ста сорока четырьмя тысячами, как это показано в альфа-истории Аврама. Этот период — время подготовки для священников, которые начинают служение при воскресном законе, в тридцатилетнем возрасте, когда они помазываются Святым Духом, как был помазан Христос при Своем крещении. Еще одна истина, которую можно вывести из альфа-истории Аврама, состоит в том, что каким бы ни был период, ведущий к воскресному закону, он должен быть судьбоносным, ибо омега всегда сильнее альфы. Воскресный закон — это омега, представленная 22 октября 1844 года, крестом, Пасхой в Египте и так далее.

Воскресный закон знаменует конец периода, представленного тридцатилетним промежутком. Прообраз этого присутствует практически в каждом крупном повествовании о спасении, и это также завершение истории завета избранного народа, начавшейся с Аврама. При таком пророческом весе свидетельств, касающихся конца периода, и при серьёзном предназначении самого периода, какова должна быть отправная точка?

Существует пророческий период длительностью тридцать лет, который, по множеству свидетельств, заканчивается законом о воскресном дне. С этого момента начинается следующий период, который представлен различными числовыми величинами, и каждый из этих периодов свидетельствует о линии пророческой истории, следующей за законом о воскресном дне. Некоторые из этих периодов отражают внутреннюю линию церковной истории, а некоторые — внешнюю линию мира, идущего к Армагеддону.

Вероятно, уместно на данном этапе напомнить, что мы отвергаем применение каких-либо временных пророчеств в последние дни в смысле указания каких-либо конкретных дат, до тех пор, пока в конце язв не будут объявлены день и час. Чтобы проиллюстрировать свою мысль об отказе от применения пророческого времени, я обращусь к двенадцатой главе книги Даниила. В двенадцатой главе есть три стиха, обозначающие пророческое время.

И я услышал мужа, одетого в льняную одежду, который был над водами реки, когда он поднял и правую, и левую руку к небу и поклялся Живущим во веки, что это будет на время, времена и полвремени; и когда будет завершено сокрушение силы народа святого, тогда все это совершится. Даниил 12:7.

И со времени, когда будет отменена ежедневная жертва и установлена мерзость запустения, пройдёт тысяча двести девяносто дней. Даниил 12:11.

Блажен, кто ожидает и достигнет до тысячи трехсот тридцати пяти дней. Даниил 12:12.

Миллериты правильно понимали каждый из этих трёх стихов. Эти три пророчества являются частью истин, составляющих основание. Однако миллеритское понимание этих стихов основывалось на применении принципа «день за год». Поскольку «времени более не будет», эти стихи должны иметь иное применение, ибо все пророчества говорят о периоде позднего дождя. Эти стихи должны иметь понимание в контексте позднего дождя, которое не использует время для построения вести и не противоречит миллеритскому пониманию стихов. Правильный миллеритский взгляд на центральный стих из этих трёх (стих одиннадцатый) состоит в том, что он представляет двоякий период: сначала тридцатилетний период, за которым следуют 1260 лет. Стих одиннадцатый указывает на тридцатилетний период, предшествующий воскресному закону, представленному установлением мерзости запустения.

Двенадцатая глава книги Даниила — это раздел Божьего Слова, в котором изложен процесс очищения Божьего народа, происходящий в последние дни, во время конца, когда с пророчества из книги Даниила снимается печать. В стихе одиннадцатом мы находим пророчество, которое пионеры правильно понимали как тридцатилетний период, ведущий к 1260-летнему периоду. В двенадцатой главе три пророчества из стихов 7, 11 и 12 все запечатаны до времени конца. Во время конца эти три пророчества должны быть раскрыты, ибо Божье Слово неизменно исполняется. В этой самой главе дано самое ясное в Библии представление о завершении испытательного срока для человечества, так что двенадцатая глава несомненно, более конкретно указывает на конец адвентизма, чем на начало адвентизма.

Три пророчества в двенадцатой главе Даниила были запечатаны в самом отрывке Писания, где запечатывание и распечатывание получают свое первичное пророческое определение. Эти три пророчества распечатываются в истории ста сорока четырех тысяч, ибо Альфа и Омега всегда показывает конец чего-либо через его начало. То, что распечатывается в трех пророческих периодах двенадцатой главы, представляет собой окончательное распечатывание Божьего пророческого Слова. Это распечатывание представлено в первой главе Откровения, когда откровение Иисуса Христа распечатывается незадолго до закрытия времени благодати. Одиннадцатый стих двенадцатой главы Даниила соответствует первому представлению Аврама и Павла о двояком пророчестве, начавшемся тридцатилетним периодом.

Три пророчества в двенадцатой главе книги Даниила — это символические периоды, которые раскрываются в самом конце времени, и это раскрытие ведет к окончательному очищению народа Божьего. Первое из этих трех пророчеств дается Самим Христом, и, излагая его, Он стоит на воде, одет в льняную одежду, указывая на конец пророческого периода, представленного как 1260 лет, и определяя конец этого периода как конец рассеяния силы народа Божьего. Народ Божий в последние дни — это сто сорок четыре тысячи, и они были рассеяны.

Не только Христос стоит на воде, отвечая на вопрос; этот вопрос начинается словами «Доколе?». «Доколе?» — это пророческий символ, который также обращен к Иисусу, когда в тринадцатом стихе восьмой главы Даниила задается вопрос: «Доколе?».

И один сказал мужу, одетому в льняную одежду, который был над водами реки: сколько времени до конца этих чудес?

И я услышал человека, облаченного в лён, который был над водами реки: он поднял правую и левую руки к небу и поклялся Живущим во веки, что это будет на время, времена и полувремя; и когда совершится рассеяние силы народа святого, тогда всё это завершится. Даниила 12:6, 7.

В видении у реки Хиддекел к Иисусу, представленному как человек в льняной одежде, обращен вопрос: «Долго ли до конца этих чудес?», а в видении у реки Улай Иисусу, представленному как Палмони (некий святой), задают вопрос: «Сколько времени будет видение о ежедневном жертвоприношении и преступлении запустения, чтобы и святилище, и войско были отданы на поправление?»

Сестра Уайт утверждает, что видения, данные Даниилу на берегах великих рек Сенаара, ныне находятся в процессе исполнения, и в связи с обоими речными видениями Иисусу задается пророческий «вопрос», на который ответом всегда оказывается «воскресный закон». Однако оба ответа представлены в контексте пророческого времени, которое завершилось в 1844 году. Пионеры правильно определили ответ на вопрос восьмой главы и видение у реки Улай и понимали, что 1798 год был временем, когда завершилось рассеяние силы народа Божьего. Но после 1844 года, когда «применение времени» Божьего пророческого Слова завершилось, пророческий вопрос «Доколе?» повторяет пионерское

понимание следующим образом: «до двух тысяч трёхсот дней; и тогда святилище очистится при скором воскресном законе», и «все» «чудеса» в заключительном видении Даниила исполнятся, когда закончится рассеяние святого народа, длящееся три с половиной символических дня.

Видение у реки Хиддекель в последних трех главах Даниила и видение у реки Улай в седьмой–девятой главах сестра Уайт называет «великими реками Сенаара». Все историки и библейские ученые признают, что с Сенааром связаны только две реки, и обе они — великие: Тигр (Хиддекель) и Евфрат. Река Улай — это не Евфрат Сенаара; это небольшой искусственный канал в Персии, а не в Сенааре. Река Улай в видении, которое содержит основание и центральный столп адвентизма, не расположена в Сенааре, однако пророчица отождествляет Улай с Евфратом, одной из великих рек Сенаара.

Видение на Хиддекеле представляет внешнюю историю о драконе, звере и лжепророке, которые ведут мир к Армагеддону, а видение на Улае представляет дело Христа по соединению Его Божественности с человеческой природой. Пророческое вдохновение использует реку Улай как второго свидетеля наряду с Евфратом, чтобы указать на дело, совершаемое Христом в соединении Его Божественности с человеческой природой.

Евфрат и Тигр берут начало в Эдеме и проходят через всю историю завета. Когда они вливаются в центральный столп адвентизма 22 октября 1844 года, Евфрат соединяется с искусственным каналом Улай, чтобы представить соединение Божественности с человечностью, которое осуществляется посредством проявления веры в тех, кто представлен как сто сорок четыре тысячи. Улай представляет испытание авторитета Божьего пророческого Слова, ибо он ставит авторитет Эллен Уайт, определяющей персидскую реку Улай как одну из великих рек Сенаара, в противоречие с мнением мировых экспертов.

Символ реки Улай представляет испытание между словом человека и Словом Божьим. Правы ли люди, или правы слова, изложенные сестрой Уайт? Означает ли река Улай одну конкретную реку в Персии, или же она представляет пророческую реку, состоящую из вод Эдема, смешанных с человеческими водами?

Возможных вариантов решения поднятой мною дилеммы может быть много, но я изложу некоторые мысли, чтобы вы поняли мою точку зрения. Правы ли светские историки и богословы, а сестра Уайт ошибается? Никто не спорит, что «великие реки Сенаара» — это Тигр и Евфрат. Значит ли это, что, когда сестра Уайт называет реку Улай в Персии великой рекой Сенаара, она — лжепророк? Или она истинный пророк, который допустил ошибку? Сколько ошибок может совершить истинный пророк, прежде чем переступить черту и стать лжепророком? Или историки ошибаются? Или она на самом деле права? Или правы и историки, и сестра Уайт? Я поднял эту дилемму с целью использовать ее разъяснение как дополнительный довод по поводу человека в льняной одежде, стоящего над рекой, которому задается вопрос: «Доколе?», — как в видении у Хиддекела, так и у Улая.

В восьмой главе книги Даниила Даниил находится в Сузах, в Персии, и Сузы расположены на реке Улай, которая из-за сельскохозяйственной деятельности включает не только естественное русло, но и ряд созданных человеком акведуков. По мере того как река Улай течёт дальше ещё примерно на сто пятьдесят миль, она достигает места слияния рек Тигр и Евфрат. Тигр и Евфрат, которые берут начало в Эдеме, в конечном итоге сливаются, и когда они сливаются, река Улай из Персии присоединяется в том же месте. Когда река Улай встречается с болотной системой Тигра у слияния Тигра и Евфрата, Улай становится частью вод, образующих великие реки Сенаара. Историки правы, и Сестра Уайт тоже права.

Когда Сестра Уайт в восьмой главе говорит о видении у реки Улай, она указывает на реку, известную своей искусственной системой акведуков, соединяющей реки Тигр и Евфрат, которые представляют два периода по 2520 лет, завершившиеся в 1798 и 1844 годах.

Древнее название Тигра — Хиддекель, и в отношении к Евфрату обе реки пророчески конкретно привязаны к Ассирии и Вавилону, которые также отождествляются с двумя львами, призванными наказать Божьих овец. Эти две опустошительные силы предображали две опустошительные силы языческого Рима и папского Рима, которые являются символами мужчины и женщины, или церкви и государства. Языческий Рим был мужчиной, представляющим государственность, а папский Рим — нечистой женщиной церковной власти. Ассирия была мужчиной, а Вавилон — женщиной в их пророческом соотношении, тем самым отождествляя Тигр с мужчиной, а Евфрат — с женщиной.

Река Тигр — это река государственной политики, которая дошла до 1798 года, а Евфрат церковной политики — до 1844 года. Евфрат должен был дойти до 1844 года, ибо весть 1844 года была о Вавилоне (Евфрате), который снова пал в 1844 году. Когда в 1844 году Евфрат образовал водопад, река Улай, которая также влилась в общий поток как символ дел рук человеческих, смешалась с водой другой реки. Река государственной политики была запружена в 1798 году, когда у папства была отобрана светская власть. В том же году Соединенные Штаты начинают царствовать как земной зверь и шестое царство библейского пророчества. Река Тигр запружена в 1798 году, именно там, где государство в конце концов заставит весь мир разрушить плотину, которая сейчас сдерживает потоки папских преследований, готовые обрушиться на мир как всепоглощающий потоп. Эта стена, или плотина, — это стена разделения церкви и государства.

В 1844 году и Евфрат, и Улай указывают на весть 1844 года как на падение Вавилона, а также как на ту самую работу, которую Христос начал в 1844 году, когда Он, как Вестник Завета, очистил народ от вод Вавилона и человеческих дел — народ, которому предстояло войти в Его святилище, народ, которому необходимо было быть очищенным прежде, чем войти во Святое святых. Окончательное очищение этого народа было совершено дождём, излившимся при вести Полночного крика, и те капли дождя вести Полночного крика были дистиллированы из вод Тигра, когда миллериты распознали папский Рим и 1798 год, и когда они распознали падение Вавилона и были очищены заранее, перед закрытой дверью, этой вестью — или, можно сказать, очищены дождём, пришедшим из дистиллированных вод рек Улай, Тигр и Евфрат, — когда они провозглашали весть Даниила 8:14 и исполнили

весть Полуночного крика заранее, перед началом антитипического Дня Искупления.

Когда Христос стоит на водах Хиддекеля в седьмом стихе двенадцатой главы Даниила, Он стоит на водах Тигра, на водах государственной политики, в видении, которое очерчивает последние движения человеческой государственности, ведущие к закрытию времени испытания. Он стоит там, отвечая на вопрос предыдущего стиха, так же как в видении у реки Улай Муж в льняной одежде — Пальмони, Дивный Числитель — дает ответ на вопрос предыдущего стиха. В обоих случаях диалог — небесный, между ангелами и Христом, и в обоих случаях вопрос: «Доколе?»

Ответ — «до 2300 дней»; в восьмой и двенадцатой главах — «время, времена и полвремени». Ответ понимается как 2300 лет и 1260 лет, но в 1844 году Бог наложил запрет на применение времени в пророческом послании, ибо времени больше не будет. Каков ответ Палмони, мужа, одетого в льняную одежду, для Его последнего поколения? Многими свидетельствами показано, что ответом на вопрос «Доколе?» является воскресный закон; так очищается ли святилище при воскресном законе, и «заканчиваются ли все эти чудеса» при воскресном законе? Что это за «чудеса», которые завершаются при воскресном законе, и когда начались эти «чудеса»?

Тогда я, Даниил, посмотрел, и вот, стояли еще двое: один на этой стороне берега реки, а другой на той стороне берега реки. И один сказал мужу, одетому в льняную одежду, который был над водами реки: «Сколько времени до конца этих чудес?»

И я услышал мужа, одетого в льняную одежду, который был над водами реки, когда он поднял правую и левую руки к небу и поклялся Живущим во веки, что это будет на время, времена и полвремени; и когда совершится рассеяние силы народа святого, тогда всё это окончится. Даниила 12:5–7.

Символический вопрос «Доколе?» знаменует воскресный закон, и ангел спрашивал не о том, когда будет воскресный закон, а о том, когда окончатся «чудеса». «Чудеса» заканчиваются на воскресном законе, так что же это за чудеса, которые ведут к воскресному закону? Или, точнее, что это за «чудеса», представленные в видении у Хиддекеля, изложенном в главах с десятой по двенадцатую? Если мы сможем определить, что такое «чудеса», мы, возможно, выясним, когда «чудеса» начинаются. В десятой главе книги Даниила Гавриил прямо определяет цель своего взаимодействия с Даниилом во время видения.

Теперь я пришёл, чтобы дать тебе разуметь, что будет с народом твоим в последние дни; ибо это видение ещё относится к отдалённым дням. Даниил 10:14.

Гавриил пришёл, чтобы дать понять народу Божьему, что с ним произойдёт в последние дни. Допускать, что пророчества в двенадцатой главе Даниила были правильно поняты миллеритами, но пользоваться этим признанием, чтобы отрицать применение этой главы к последним дням, — значит сводить на нет заявленную цель Гавриила. Как только Гавриил начинает пророческое повествование с первого стиха одиннадцатой главы и до третьего стиха двенадцатой, представленная история — это внешние пророческие подробности о

том, как дракон, зверь и лжепророк ведут мир к Армагеддону. Внутри главы есть отрывки, описывающие гонения на народ Божий, но история одиннадцатой главы — преимущественно внешнее откровение. Это означает, что десятая и двенадцатая главы представляют альфу и омегу в последнем видении Даниила, ибо, в отличие от одиннадцатой главы, обе они описывают внутреннюю весть, обозначающую запечатление ста сорока четырёх тысяч. Средняя глава — это восстание человечества, представленное царём северным, римским папой; а альфа — десятая глава — вместе с омегой — двенадцатой главой — обозначают внутренний опыт ста сорока четырёх тысяч в последние дни. Все три главы ведут к закрытию времени испытания; альфа-глава начинается со страха Божьего, который отделяет два класса поклоняющихся, и к концу главы Даниил получает удвоение силы, тем самым обозначая первую и вторую ангельские вести. Двенадцатая глава — это омега-глава, и она указывает на весть суда третьего ангела.

Глава одиннадцатая описывает восстание человечества от разрушения Иерусалима до закрытия времени благодати, которое, по словам Сестры Уайт, является иллюстрацией закрытия времени благодати в конце мира. Одиннадцатая глава книги Даниила начинается с разрушения Иерусалима, ибо Даниил — один из тех, кого увели в Вавилон во время тройного разрушения Иерусалима, которое служило прообразом разрушения того же города в 70 году н. э., а затем снова — в последние дни, в лице всего мира.

Два буквальных разрушения Иерусалима произошли в один и тот же день года с разницей в шестьсот шестьдесят пять лет. Оба разрушения постигли город, где, как предполагалось, должен был находиться Ковчег. Силом обладал теми же пророческими характеристиками и представляет первое разрушение города, где находилось Божье присутствие или должно было находиться. Когда Сестра Уайт использует разрушение Иерусалима как символ разрушения последних дней, она комментирует проповедь Христа о разрушении Иерусалима.

Сило и разрушения Иерусалима при Навуходоносоре и Тите — это три свидетеля последних дней, представленные через разрушение города Божьего. Сило — это весть первого ангела, которая учит бояться Бога — чего Илий не делал, — и воздавать Ему славу — чего Илий не делал, — ибо наступил час суда Его. Во вести второго ангела мы находим удвоение, представленное Навуходоносором и Титом. Третье разрушение Иерусалима в последние дни происходит при закрытии испытательного времени, которое является завершением суда.

Одиннадцатая глава — это внешняя история трёхангельской вести. Она зажата между видением разделения десятой главы и тремя наделяющими силой прикосновениями, которые происходят на двадцать второй день видения Даниила. Это означает, что двенадцатая глава также будет посвящена внутренней истории того, что постигает Божий народ в последние дни. Это также означает, что свет в двенадцатой главе в двадцать два раза ярче, чем свет в десятой.

В видении у реки Улай Христу также задали вопрос: «Доколе?» Предыдущие двенадцать стихов, подводящие к вопросу в стихе тринадцатом, раскрывали внешнюю пророческую историю, представлявшую важные подробности о силах, фигурирующих в библейском пророчестве. Эти двенадцать стихов просто повторяли и расширяли историю, представленную в седьмой главе. Пророческая история, изложенная в этих стихах, повторяется и расширяется в одиннадцатой главе, начиная со времени мидян и персов. Последняя половина восьмой главы и вся девятая глава — это представление народа Божьего последнего времени в лице пророка Даниила. Видение пророческой истории, содержащееся в трех главах видения у реки Улай, вместе с представлением народа Божьего в этих главах через взаимодействие Даниила с Гавриилом, является альфой и омегой глав с десятой по двенадцатую.

Поскольку Хиддекель — омега, а Улай — альфа, сила, представленная светом, который раскрывается в двенадцатой главе, когда наступает время конца, в двадцать два раза ярче, чем видение, являющееся центральным столпом и основанием адвентизма. В силу этого свет последнего видения Даниила прямо отождествляется со светом, связанным с народом Божьим в последние дни. Когда ангел спрашивает человека, одетого в льняную одежду: «Доколе будет окончание этих чудес?», под чудесами подразумеваются те, кто сияют, как звезды, во веки веков, ибо заветная история Аврама перекликается с повелением Авраму посмотреть на звезды. Чудеса в двенадцатой главе Даниила — это преображение людей в знамя ста сорока четырех тысяч.

Ранее мы установили, что одиннадцатый стих двенадцатой главы Даниила указывает на пророческий период, состоящий из двух отрезков времени, первый из которых — тридцать лет. Чтобы должным образом подчеркнуть одиннадцатый стих, я обратился к седьмому, чтобы показать непосредственное участие Христа в чудесах, которые Он совершает среди Своего народа в последние дни.

Возвращаясь к одиннадцатому стиху, хочу напомнить вам, что двенадцатая глава прямо названа Гавриилом «последними днями». В дни ста сорока четырёх тысяч, дни, когда они запечатлеваются и вступают в завет с Богом; согласно книге Даниила, будет распечатана весть, которая перерастёт в громкий клич. Эта весть представлена в двенадцатой главе тремя отдельными пророческими периодами, которые уже были определены миллеритами и впоследствии подтверждены Духом Пророчества. Эти три периода не представляют время, ибо тот же самый ангел, который в двенадцатой главе поднимает обе руки к небу, в десятой главе Откровения поднял одну руку к небу и поклялся, что времени больше не будет. Это провозглашение 1844 года означает, что три пророческих периода в двенадцатой главе книги Даниила являются символическими периодами и не предназначены для обозначения времени.

Итак, когда средний символический пророческий период в двенадцатой главе книги Даниила является двойным периодом, начинающимся тридцатью годами в той самой главе, где восстанет Михаил, тогда ты знаешь, что двойной период, начинающийся тридцатью годами, — совершенное исполнение альфа-пророчества Аврама. Омега пророчества о

времени, которое начинает историю Завета в отношении избранного народа, достигает своего совершенного исполнения в той же главе, которая является кульминацией свидетельства Даниила о том, что постигнет народ Божий в последние дни.

Во время конца книга Даниила раскрывается, и порождаемый свет запечатлевает народ Божий. Во время конца книга Даниила раскрывается, и порождаемый свет представлен тремя пророческими периодами в последней главе Даниила. Эта глава — омега трех глав, составляющих видение Хиддекеля, а видение Хиддекеля — омега по отношению к трем главам, которые представляют альфу речных видений Даниила. Реки, которые начались в Эдеме, в конечном итоге пришли к Даниилу, а затем пророческое Слово Божье привело их к миллеритскому движению первого и второго ангела, альфе двух движений трех ангелов. 1290 лет одиннадцатого стиха — это омега по отношению к 430-летнему пророчеству Авраама и Павла.

Прежде чем продолжить рассмотрение двенадцатой главы книги Даниила и её связи с пророчеством Авраама, полезно вспомнить, кем был Павел. Павел был не только апостолом для язычников, но, что не менее важно, он излагал своё послание через Божье пророческое Слово. И ещё важнее то, что Павел был диспенсационным пророком. Диспенсационный пророк — это пророк, которого Бог воздвигает, чтобы вести Его народ от одной диспенсации к другой, как, например, Моисей — от поклонения у жертвенника к богослужению в святилище; и Иоанн Креститель — от земного святилища к Небесному Святилищу. Павел записал гораздо больше сведений и правил применения буквального к духовному, чем все остальные авторы Библии вместе взятые, и с большим отрывом! Он был воздвигнут, чтобы объяснить переход от буквального к духовному в контексте Божьего заветного народа.

Павел — связующее звено между заветными обетованиями избранного народа Авраама в тот момент, когда этот избранный народ перешёл от буквального к духовному. Если вы не утверждены в понимании роли Павла в истории завета, вы можете не увидеть, насколько божественно уместно то, что первое временное пророчество о заветном народе Божьем — это двойное временное пророчество, начинающееся тридцатилетним периодом. Одно пророчество было установлено отцом избранного народа, а когда они перешли к статусу духовно избранного народа, был воздвигнут диспенсационный пророк, чтобы обозначить и объяснить этот переход, а также утвердить временное пророчество Авраама вторым свидетельством из Нового Завета, согласованным с первым свидетельством из Ветхого Завета. Аврам в начале, а затем Павел в конце предображают значимость 1290 дней последнего времени.

Мы продолжим в следующей статье.

Видение Захарии об Иисусе и Ангеле с особой силой относится к опыту народа Божьего в заключительных сценах великого дня искупления. Церковь остатка тогда подвергнется великим испытаниям и скорбям. Те, кто соблюдают заповеди Божьи и веру Иисуса, ощутят гнев дракона и его воинства. Сатана считает мир своими подданными; он

получил власть даже над многими исповедующими христианство. Но есть небольшая группа, противящаяся его господству. Если бы он мог стереть их с земли, его победа была бы полной. Как он побуждал языческие народы уничтожить Израиль, так в ближайшем будущем он поднимет нечестивые силы земли, чтобы уничтожить народ Божий. От людей будут требовать повиновения человеческим указам в нарушение божественного закона.

Те, кто верны Богу, будут подвергаться угрозам, осуждению и объявлению вне закона. Их «предадут родители и братья, и родственники и друзья», даже до смерти. Луки 21:16. Их единственная надежда — на милость Божью; их единственной защитой будет молитва. И как Иисус Навин умолял пред Ангелом, так и церковь остатка, с сокрушённым сердцем и непоколебимой верой, будет молить о прощении и избавлении через Иисуса, их Ходатая. Они полностью осознают греховность своей жизни, видят свою слабость и недостойность; и готовы впасть в отчаяние.

Искушитель стоит рядом, чтобы обвинять их, как он стоял, чтобы противиться Иисусу Навину. Он указывает на их запятнанные одежды, на несовершенство их характера. Он выставляет их слабость и безрассудство, их грехи неблагодарности, их неподобие Христу, что обеславило их Искушителя. Он старается утратить их мыслью, что их положение безнадежно, что пятно их осквернения никогда не будет смыто. Он надеется настолько разрушить их веру, что они поддадутся его искушениям и отступят от своей верности Богу.

Сатана точно знает грехи, к совершению которых он искушал народ Божий, и выдвигает против них обвинения, утверждая, что своими грехами они лишили себя Божественной защиты, и заявляя, что имеет право погубить их. Он утверждает, что они столь же достойны лишения Божьего благоволения, как и он сам. «Неужели это те люди, — говорит он, — которым предстоит занять мое место на небе и место ангелов, соединившихся со мной? Они утверждают, что повинуются закону Божьему; но соблюдали ли они его заповеди? Не любили ли они себя больше, чем Бога? Не ставили ли они собственные интересы выше служения Ему? Не любили ли они мирское? Посмотри на грехи, которыми отмечена их жизнь. Вот их эгоизм, их злоба, их ненависть друг к другу. Неужели Бог изгонит меня и моих ангелов от Своего лица и в то же время вознаградит тех, кто виновен в тех же самых грехах? Ты не можешь поступить так, о Господи, по справедливости. Справедливость требует, чтобы над ними был произнесён приговор»."

Но хотя последователи Христа и согрешили, они не отдали себя под контроль сатанинских сил. Они покаялись в своих грехах и искали Господа в смирении и сокрушении, и Божественный Ходатай заступается за них. Тот, кто более всего оскорблён их неблагодарностью, кто знает их грех и их покаяние, говорит: «Да запретит тебе Господь, сатана! Я отдал жизнь Мою за эти души. Они начертаны на ладонях Моих. У них могут быть недостатки характера; они могли потерпеть неудачу в своих усилиях; но они покаялись, и Я простил и принял их».

Нападения Сатаны сильны, его обольщения тонки; но око Господне — на Его народе. Их скорбь велика, пламя горнила, кажется, вот-вот пожрёт их; но Иисус выведет их как золото, испытанное в огне. Их земность будет удалена, чтобы через них образ Христа мог быть совершенно явлен.

Порой может показаться, что Господь забыл об опасностях, угрожающих Его Церкви, и о вреде, причинённом ей врагами. Но Бог не забыл. Нет в этом мире ничего столь дорогого сердцу Бога, как Его Церковь. Не в Его воле, чтобы мирская политика исказила её свидетельство. Он не оставляет Свой народ, чтобы его одолели искушения сатаны. Он накажет тех, кто превратно представляет Его, но проявит милость ко всем, кто искренне каётся. Тем, кто взывает к Нему, прося силы для формирования христианского характера, Он даст всю необходимую помощь.

Во время конца народ Божий будет вздыхать и плакать о мерзостях, творимых в стране. Со слезами они будут предупреждать нечестивых об опасности, в которую они ввергают себя, попирая Божественный закон, и с невыразимой скорбью смиряются перед Господом в покаянии. Нечестивые будут насмехаться над их скорбью и высмеивать их торжественные призывы. Но скорбь и уничтожение народа Божьего — несомненное свидетельство того, что они вновь обретают силу и благородство характера, утраченные вследствие греха. Именно потому, что они приближаются ко Христу, потому что их взоры устремлены на Его совершенную чистоту, они столь ясно различают крайнюю греховность греха. Кротость и смирение — условия успеха и победы. Венец славы ожидает тех, кто склоняется у подножия креста.

Верные Богу, молящиеся, как бы заключены с Ним. Они и сами не знают, насколько надёжно они защищены. Подстрекаемые Сатаной, правители этого мира стремятся их уничтожить; но если бы глаза Божьих детей были открыты, как были открыты глаза слуги Елисея в Дофане, они увидели бы ангелов Божьих, расположившихся станом вокруг них, сдерживающих полчища тьмы.

Когда народ Божий смиряет перед Ним души свои, умоляя о чистоте сердца, звучит повеление: «Снимите с него загрязнённые одежды», и произносятся ободряющие слова: «Смотри, Я снял с тебя вину твою и облачаю тебя в одежды торжественные». Захария 3:4. Непорочная риза праведности Христа возложена на испытанных и искушаемых, верных детей Божьих. Презираемый остаток облечён в славные одежды и более никогда не будет осквернён растлением мира. Их имена остаются в книге жизни Агнца, записанные среди верных всех веков. Они противостояли козням обольстителя; рык дракона не отвратил их от верности. Теперь они навеки защищены от ухищрений искусителя. Их грехи возложены на виновника греха. На их головы возложен «чистый кидар».

Пока Сатана выдвигал свои обвинения, святые ангелы, невидимые, проходили туда и сюда, полагая на верных печать Бога живого. Это те, которые стоят на горе Сион с Агнцем, имея имя Отца, написанное на челах их. Они поют пред престолом новую песнь, ту песнь, которой никто не может научиться, кроме ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли. «Это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошёл. Они

искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу. И в устах их не найдено лукавства: они непорочны пред престолом Божиим». Откровение 14:4, 5.

Теперь полностью исполнились слова Ангела: «Слушай же ныне, Иисус, великий священник, ты и товарищи твои, сидящие пред тобою; ибо мужи сии — знамение; ибо, вот, Я приведу Раба Моего, Отрасль». Захария 3:8. Христос явлен как Искупитель и Избавитель Своего народа. Теперь действительно остаток — «мужи знамения», ибо слёзы и уничтожение их странствования уступают место радости и чести пред лицом Бога и Агнца. «В тот день Отрасль Господа будет прекрасна и славна, а плод земли — отличен и пригож для уцелевших из Израиля. И будет: оставшийся на Сионе и остающийся в Иерусалиме будет назван святым — всякий, записанный среди живых в Иерусалиме». Исаия 4:2, 3. Пророки и цари, 587–592.